

«Год рождения—1908. Жизнь в Чехословакии». Это условное название будущей книги, которая рождается в старом доме тихого пражского района Пальмовка. Уже написано 600 страниц. Осенью мемуары будут закончены.

Автор воспоминаний—человек с далеко неординарной судьбой. Сын потомственных российских дворян, будущий наследник богатого поместья, воспитанный лажеского корпуса... Однако гражданская война уготовила ему долю эмигранта. С тех давних пор Борис Иванович Тиханович живет в Праге.

Самыми значительными событиями в своей жизни Борис Иванович считает встречи с великими артистами. С конца 20-х годов не

один десяток лет он проработал импресарио, организатором концертов. В его «послужном списке» — Александр Вертинский, «баян русской песни» — Юрий Марфесси, Сергей Рахманинов, Владимир Горовиц, Анна Павлова...

Плодотворно сотрудничал Тиханович и с Федором Ивановичем Шаляпиным, встречам с которым посвящено несколько глав. В них Шаляпин предстает не ангелом во фраке или посеребрянной иконой, а живым человеком, с присущими ему капризами и слабостями.

Я попросил у автора разрешения на публикацию отрывка в «Труде», и он любезно согласился.

Р. УРМАНЦЕВ, соб. корр. «Труда».

ПРАГА.

завтра он ни словом не обмолвился об этом происшествии. Тем временем я установил новую дату концерта... Конечно, Прага быстро узнала настоящую причину «неожиданного недомогания» великого артиста. Точную информацию получил, видимо, и президент республики. Он отказался посетить отложенный концерт. Не прибыла на концерт и многие министры, дипломаты... Шаляпина это вовсе не смутило. Артист как будто

артист должен был получить деньги перед началом спектакля. Репетиция проходила довольно бурно. Режиссер Гануш Тейя показал Шаляпину место на сцене сбоку и сказал, что отсюда он должен выходить на публику. На что Шаляпин ответил, что не привык выходить на сцену сбоку, что он будет выходить только с заднего входа. Режиссер не соглашался, говорил, что там нет ни дверцы, ни отверстия. Тогда Шаляпин вынул из карма-

проводивший нас, поставил на столик ящик с гримом. Начался настоящий обряд. Привычными движениями артист наносил грим, и его лицо постепенно преобразилось — передо мной проходил процесс изумительного перевоплощения. Вдруг Шаляпин посмотрел на часы и спросил слугу: «Иван, ты уже получил мой гонорар?» Иван ответил, что еще нет. «Так подождем немного», — последовало в ответ. Федор Иванович продолжал спокойно гримироваться. Через несколько минут я услышал тот же вопрос и тот же ответ. На этот раз Федор Иванович реагировал словами: «Это непорядок».

Я знал, что по договору Шаляпину полагалось получить гонорар перед началом спектакля, а это время уже приближалось. Я быстро пошел в кабинет к директору. Тот был удивлен, сказал, что еще утром подписал все необходимые бумаги. Главного кассир в тот вечер не был в театре. Я вернулся в уборную и информировал Федора Ивановича о своем разговоре. Последовала совершенно неожиданная реак-

концерта, просматривая газеты, я не поверил глазам: «Шаляпин выступает против Чехословакии!», «Шаляпин поддерживает территориальные притязания хортистов к Чехословакии!» А в бульварных газетах появились призывы: «Бойкотируйте концерт Шаляпина в Праге!», «Не посещайте концерт Шаляпина!»

Я позвонил в Бухарест, где Шаляпин накануне выступил с концертом, и узнал следующее. Шаляпин после очередного концерта решил поужинать в одном из известных винных погребков. Гости его сразу узнали и приветствовали. Он не знал, что погребок этот посещают в основном венгерские хортисты. Шаляпину понравилось, что знакомые люди начали произносить какие-то огненные речи, поднимали тосты и после этого подходили к нему, чокались и кричали: «Эйлен!», то есть «Ура!» Шаляпин пожимал плечами, обнимался и вместе со всеми кричал «Эйлен!»

Однако венгерские газеты использовали это событие для античехословацкой пропаганды.

ПОСЛЕДНИЕ КОНЦЕРТЫ ШАЛЯПИНА

О ВЕЛИКОМ РУССКОМ ПЕВЦЕ
РАССКАЗЫВАЕТ ЕГО ПРАЖСКИЙ ИМПРЕСАРИО

Во второй половине 20-х годов Ф. И. Шаляпин приезжал в Чехословакию раз в два-три года. Пражские концерты Федора Ивановича в те годы были настоящей сенсацией. Концерты проходили в столичном зале «Люцерн», вместимость которого — более трех тысяч человек. Основную часть посетителей, как правило, составляли семьи русских эмигрантов и чехи — бывшие русские legionеры. Вспоминаю приезд Шаляпина в Прагу в конце апреля 1932 года. На концерт Федора Ивановича в зале «Люцерн» пригласили президента республики Т. Г. Масарика, министров, членов дипломатического корпуса. Масарик согласился, более того, он решил принять Шаляпина в день концерта в первой половине дня в своей летней резиденции — замке Лане, близ Праги.

Я находился среди людей, с нетерпением встречавших Шаляпина на перроне пражского вокзала. Сегодня, по прошествии стольких лет, я четко вижу перед собой величавую фигуру Федора Ивановича. Он был изящно одет, его серо-зеленые глаза быстро осмотрели встречающих, низким приятным голосом он поздоровался со всеми, особое внимание уделил дамам. Весь его облик оставлял впечатление большой физической силы, бодрости духа.

В Праге в 30-х годах Шаляпин всегда останавливался в гостинице «Де Сакс». Хозяева гостиницы — семья Юнгеров — были не просто почитателями таланта артиста. Они его боготворили. На втором этаже гостиницы находился прекрасный номер с удобной мебелью. На белых дверях золотыми буквами была сделана надпись: «Апартамент маэстро Шаляпина». Со своего знаменитого гостя хозяева никогда не брали денег. Шаляпин же за проживание и питание всегда преподносил владельцам гостиницы и персоналу ценные подарки.

Вернулся он от президента в самом хорошем расположении духа. Встреча продолжалась час с четвертью, проходила в дружеской обстановке. Президент говорил с Шаляпиным по-русски.

Обедать мы сели в уютном ресторане отеля «Де Сакс». Для нас был накрыт стол в центре, на возвышенном месте. К столу подошел сын хозяина гостиницы. Неожиданно Шаляпин сказал: «Давай, Борж, выпьем перед обедом по рюмке», — и заказал водку. С видимым удовольствием Шаляпин выпил первую рюмку, потом последовала вторая, третья. Я с удивлением смотрел на Федора Ивановича, позволял себе тихо заметить: «Ведь вечером концерт». На это Шаляпин быстро ответил: «Не бойся, я выдержу...» Позже прибавил: «Жизнь люблю! Хороша жизнь! Жить хочу!» Вскоре мне стало ясно, что Шаляпина нельзя удерживать, что в тот вечер концерт не состоится. Что делать? Прежде всего я позвонил в канцелярию президента республики и сообщил, что из-за внезапного недомогания Шаляпина концерт откладывается. Потом позвонил в чехословацкое радиовещание и попросил каждые четверть часа передавать сообщение, что концерт Шаляпина откладывается.

Не могу сказать, как закончил свой день Федор Иванович, но на

не замечал пустые ложки. Пел Шаляпин замечательно, быстро установил контакт с публикой и всецело завоевал ее исполнением «Библейских песен» по-чешки. Овациям не было конца, и, как всегда, Шаляпин много пел на «бис». И сейчас я вижу перед собой величавую фигуру гениального артиста и вспоминаю все его неповторимые жесты, его могучий голос. Шаляпин на сцене был настоящим кудесником, чародеем.

В следующий раз наша встреча с Шаляпиным произошла спустя два года. Через наше агентство дирекция оперы Национального театра в Праге пригласила певца выступить в опере «Дон-Кихот». Это была единственная гастроль Шаляпина в Национальном театре в Праге. Вместимость зала сравнительно невелика, что не позволяло соблазнить гастролирующих высокими гонорарами. Шаляпин согласился снизить гонорар до 1000 долларов. По условиям подписанного контракта

на перочинный нож и вырезал в кулисе отверстие.

В последнем действии оперы, согласно желанию режиссера, Шаляпин — Дон-Кихот должен был попрощаться с жизнью, лежа под кустом. Певец заявил, что он не будет умирать под кустом, что там должно стоять дерево. Кроме того, Шаляпин потребовал, чтобы на сцене непременно появились живая лошадь и осел. Теину пришлось удовлетворить все требования артиста...

Шаляпин попросил меня перед спектаклем пойти в отель и вместе с ним пойти в театр. Он непременно хотел идти пешком по главным улицам Праги. Проходящие узнавали Федора Ивановича, многие останавливались, приветствовали его... По дороге он знакомил меня с планами на будущее, рассказывал о своем парижском доме, приглашая посетить его.

В театр мы поднялись по крутой задней лестнице, в артистическую уборную. Слуга Иван, со-

общил: «Раз нет гонорара, я не пою. Я не позволю себя обманывать!», «Все жулики, меня уже обокрали большевики и американцы! Больше не позволю! Иван, идем!»

Я был в полном отчаянии и побежал узнавать, у кого же находятся деньги. Когда поднимался обратно, по лестнице уже спускались Шаляпин и его слуга. В это время ко мне подошел архивариус театра и спросил, почему уходит маэстро Шаляпин. Узнав, в чем дело, архивариус сказал: «Деньги у меня в кармане. Я собирался их принести в антракте, у нас так принято».

Архивариус передал конверт. Шаляпин дал конверт Ивану. Иван подтвердил, что все в порядке. «Видишь, если бы я не решил уйти, меня бы обманули»...

Театр был переполнен. Шаляпин в роли несчастного рыцаря был изумителен. Голос артиста уже не был таким могучим, как в прежние времена, но игра на сцене потрясала и всех захватывала. Не обошлось и без комического момента. Упрямый осел вдруг остановился и не захотел дальше двигаться. Певец Ян Константин схватил его за хвост и утащил. Публика смеялась. К концу спектакля, в последней сцене, когда Шаляпин — Дон-Кихот, лежал под деревом, прощаясь с жизнью, театр не дышал. И вдруг умирающий рыцарь слегка приподнялся и со сцены начал управлять оркестром: Шаляпину не понравились темпы дирижера Милана Зулы. Ничего подобного еще не случалось на сцене Национального театра. Но уровень спектакля был настолько высок, что зрители долго аплодировали Шаляпину и другим артистам.

Последняя встреча с великим артистом произошла в январе 1937 года. Пользуясь концессией концертно-театрального бюро «АМЕ», я предложил парижскому импресарию Шаляпина М. Э. Кашуку организовать в Праге концерт, посвященный столетию со дня трагической смерти А. С. Пушкина. Я рассчитывал, что чешское население столицы и русские эмигранты поддержат концерт, целое отделение которого должно быть произведением великого поэта, положенным на музыку русскими композиторами.

Однако за четыре дня до

Пражские газеты, конечно, немедленно отреагировали. Возник политический инцидент.

Призыв к бойкоту действовал. Многие люди начали возвращать купленные билеты. Мне же нужно было срочно спасать положение. Сразу по прибытии Федора Ивановича в Прагу в салоне гостиницы «Де Сакс» была организована встреча с представителями чешской печати. Шаляпин познакомил журналистов с событиями в бухарестском винном погребке. Да, он кричал со всеми «Эйлен!», но ни слова не понимал в содержании произносимых речей и поднимаемых тостов. Шаляпин сказал, что искренне сожалеет об этом неприятном политическом инциденте. В конце встречи Шаляпин познакомил собравшихся со своими планами на будущее. Газеты поместили подробные сообщения о разговоре с Шаляпиным, написали об искреннем сожалении Шаляпина, ставшего жертвой политических интриг.

Еще при встрече на вокзале все мы заметили, как сильно изменился Шаляпин за последние три года — сильно постарел, его глаза потускнели, потеряли свой живой огонь. Но все-таки перед концертом в зале «Люцерн» появился прежний величавый Шаляпин. На ярко освещенном помосте могучая фигура Федора Ивановича в отлично сшитом фраке производила потрясающее впечатление. Да, голос Шаляпина уже не был таким гибким, могучим, как раньше, он в значительной мере потерял свой чудесный мягкий тембр, временами звучал глухо. Но Шаляпин есть Шаляпин, он пел с большим подъемом. В последний раз под сводами большого зала прозвучал монолог царя Бориса. Публика слушала его с исключительным вниманием, часто вспыхивали аплодисменты, а Шаляпин не скупился, много пел на «бис». Он был в ударе.

После концерта Шаляпин чувствовал себя сильно уставшим. Через день Федор Иванович покинул Прагу. Никто из нас, собравшихся тогда на вокзал, не предполагал, что видит его последний раз в жизни. 13 апреля 1938 года смерть прервала богатую и бурную жизнь великого сына русского народа.